

Москва, ноябрь 1944, 201

К 70-летию А. П. ГАЙДАРА

ЕСЛИ ОТЕЦ ГОВОРИЛ «СЛОВО»...

Февральский номер журнала «Детская литература» открывается материалами, посвященными 70-летию со дня рождения А. П. Гайдара. Статья И. Мотышова говорит о неувядаемой молодости произведений замечательного писателя:

«Гайдар дал ребятам один из первых в советской детской литературе романов, понимая, что герой-сверстник только тогда окажется победителем ребячьих сердец, когда юные читатели увидят в нем полнокровную личность».

С «Воспоминаниями о друге» выступает В. Фраерман. О работе Гайдара в Архангельской области пишет Евгений Коковин. О Гайдаре в Грузии и Белоруссии повествуют В. Дзидзигури и Р. Литвиноз.

Редакция журнала предоставила нам возможность познакомиться с выступлениями Тимура Гайдара.

МНЕ было пятнадцать лет, когда отец ушел на фронт. Многого я, конечно, не успел понять, заметить, оценить в нем. Но что мне тогда казалось безусловно ценным — это наши отношения, доверительные, уважительные. Он вообще обращался с ребятами, как с равными — в том смысле, что, уважая ребят так же, как они его, в общении с ними у него не было сюсюканья, подлаживания, снисхождения. В дневнике Гайдара есть такая запись: «Сегодня познакомился с девочкой Катюшей. Ей четыре года. Очень интересный человек». И он действительно так считал. Его интерес к маленькому человеку, со своими проблемами и переживаниями, был неподделен. Ребята тянулись к нему, с Гайдаром было весело и интересно. Он придумывал костер, покупал для детей всего двора воздушные шары, сажал ребят в машину — такси, что по тем временам было редкостью, и возил их по городу.

Говорить о каком-то особом педагогическом мастерстве Гайдара трудно. Он никогда специально не воспитывал. Не было такого момента, чтобы можно было сказать: вот сейчас Гайдар воспитывает, а сейчас — не воспитывает. Воспитанием, собственно говоря, была вся его жизнь, вся система общения.

Те высокие человеческие отношения, которые поддерживал Гайдар в жизни, питали его книги. У Гайдара — органическая связь с внутренним миром его героев. Это создает удивительную цельность его книг.

Я думаю, что страшным ядом воспитания является неправда. Если люди говорят одно, а поступают по-другому. Или если, скажем, пришли гости и вы с ними говорите и оцениваете вещи так, а ушли гости — говорите уже совсем иначе... Это страшный яд, это наносит воспитанию огромный вред.

Гайдар не бросался перевоспитывать ребят. Он не скрывал, что кто-то ему интересен, а кто-то — нет. Те, что были ему не интересны, как-то сами собой отпадали от «команды». Ведь вокруг любого человека создается свой микроклимат. Бывает, что некоторые в этом микроклимате жухнут, вянут и уходят. Но зато оставшиеся становятся друзьями истинными, надежными.

У нас в семье принято было говорить: «слово». Не «честное слово», а просто «слово». Оно не писалось, но произносилось с большой буквой. Если отец говорил «слово» — мне или кому-нибудь из моих сверстников, — то это знало, что слово будет вы-

полнено, как бы Гайдару ни было трудно. И, естественно, ждал и от нас такой же твердости, своим поведением, своей жизнью воспитывал в нас честность и прямоту, будь то умение держать свое слово или открыто сказать человеку «да» или «нет».

Гайдар редко ребятам говорил «нет». Он никогда не прибегал к этому спасительному, защитному средству взрослых. Автоматически «охранительное «нельзя», конечно, позволяет избежать лишних хлопот, делает жизнь взрослых более спокойной. Но Гайдар предпочитал дать человеку самому пройти через ошибки, заблуждения, самому выбрать верный путь. От старшего друга требуется лишь вовремя помочь, если надо, и не словом, не сочувствием, а делом. Эта черта Гайдара хорошо проявлена в рассказе Фраермана «Путешественники вышли из города». Ведь правильное воспитание — это значит груз брать и на себя. Не отказываться, жертвовать, поступаться «чем-то ради человека. Единство поступков и дидактики, единство серьезного и улыбочивого, действительная влюбленность в высокие и чистые идеалы создавали особый стиль, ритм книг Гайдара и главную тему его жизни.

В 1942 году в военной комиссии Союза писателей я получил письмо, в котором лейтенант Абрамов сообщал из госпиталя о гибели Гайдара в партизанском отряде. Я пошел по Москве в слезах, сам не зная куда. Вспомнились мне песенка о голубом кораблике, наш домик в Кунцеве, перекресток у Казенного переулочка, где мы навсегда распрощались, старая фотография, которую отец хранил заодно с документами времен гражданской войны в потертом клеенчатом бумажнике. Высокий, молодой, тонкий, перехваченный ремнями...

И в жизни, и в литературе есть своя логика свершений. Гайдар мог не погибнуть в партизанском отряде, но не мог оказаться в каком-нибудь другом месте, кроме передовой линии жизни, борьбы. И о чем бы и как бы ни писал Гайдар, главное осталось: революция, Советская власть и ее завоевания.

Трудно представить себе, что в этом году 22 февраля Гайдару исполнилось бы 70 лет (хотя ему всегда хотелось думать, что он родился 22 января — 9 января по старому, в переломный день истории). Больше 30 лет его нет с нами, но обаяние его сегодня так же властно, и доверие к нему так же глубоко, потому что его творчество было естественным продолжением его жизни.